

ARCHIVALIA ROSSICA

СОВМЕСТНЫЙ ПРОЕКТ
ГЕРМАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА В МОСКВЕ
И ИЗДАТЕЛЬСТВА
“НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ”

 Deutsches
Historisches
Institut Moskau

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие к немецкому изданию</i>	6
<i>Предисловие к русскому изданию</i>	10
<i>Введение</i>	15
1. О биографии Эрнста Параквина	15
2. Вокруг отвоевания Багдада, 1917–1918	20
3. Кампания 1918 г. на Кавказе и взятие Баку	22
<i>Воспоминания с Ближнего Востока, 1917–1918</i>	28
Задача и первые впечатления	28
Отказ от отвоевания Багдада	40
Крушение турок в Месопотамии	53
Военные события во время кризиса	70
Новый план по отвоеванию Багдада	97
Переговоры в Тифлисе и Эривани	114
Завоевание Баку	123
Интермеццо в большой политике	141
Резня армян в Баку	147
Отставка и возвращение домой	152

Приложения

<i>I. История семьи Параквин (Фрагмент)</i>	162
<i>II. Эрнст Параквин. Политика на Ближнем Востоке</i>	186
<i>III. Эрнст Параквин. Доклад генералу Г. фон Секту</i>	201
<i>IV. Два неопубликованных отчета о событиях в Баку в сентябре 1918 г.</i>	209
<i>V. Из воспоминаний генерала Оскара Грессманна 1916–1918 гг.</i>	217
<i>Список литературы</i>	247
<i>Указатель имен</i>	251

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ¹

Воспоминания Эрнста Параквина о его службе германским офицером на фронте в Месопотамии в 1917 г. и на Кавказском фронте в 1918 г. ныне находятся в библиотеке МГУ им. М. В. Ломоносова. Они насчитывают 230 машинописных страниц текста на немецком языке. Точных данных о том, как именно они попали в Москву, пока нет. Однако следует исходить из того, что в 1945 г. они были доставлены в Россию Красной армией наряду с прочими архивными материалами и культурными ценностями. Значительная часть этих архивов в 1950-х гг. была возвращена ГДР. Но все документы, сколько-нибудь касавшиеся российской истории, отдавать не стали, а распределили по различным хранилищам в тогдашнем СССР, в том числе по университетским библиотекам. Есть основания предполагать, что Параквин передал свои «Воспоминания» на хранение в один из берлинских архивов, возможно Рейхсархиву (в Потсдаме), в начале 1940-х гг. Вместе с другими архивными фондами из Берлина/Потсдама они были перевезены для спасения от бомбардировок в одно из надежных укрытий в центральной или восточной Германии, а там оказались в руках Красной армии.

Мои российские коллеги, Леонтий Ланник и Велихан Мирзаханов, попросили меня принять на себя издание немецкого оригинала, а они взялись за его перевод на русский и подготовку к изданию. Можно лишь горячо приветствовать, что благодаря

¹ Издание данного сборника источников на немецком языке параллельно осуществляется в ФРГ под редакцией профессора В. Баумгарта издательством «Schöningh/Brill».

этому стало возможно предоставить в общее распоряжение ценный источник по истории Первой мировой войны.

Нет сомнения, что Параквин с самого начала писал свои «Воспоминания» для их последующей публикации. Однако при национал-социалистах это было бы невозможно, ведь автор не раз и довольно отчетливо осуждает политику Турции в отношении армян. Более того, он даже ушел со своего высокого поста начальника штаба турецкой группы армий, ведь резко осудил убийства армян в Баку в сентябре 1918 г.

Дата завершения работы Параквина над текстом нигде точно не упоминается, однако по некоторым указаниям в мемуарах видно, что она должна была завершиться в самом начале 1940-х гг.

«Воспоминания» Параквина здесь получили и еще пять приложений, три из которых написаны им самим, а еще два — майором Майром, подполковником Фридрихом бароном фон дер Гольцем и генералом Оскаром Грессманном. В приложении I описан тот же период, что и в «Воспоминаниях», однако оно куда компактнее по объему и содержит те или иные детали и рефлексию, что в более пространной редакции отсутствуют. Они взяты из довольно объемной истории семьи Параквин, два тома которой написаны Эрнстом Параквином, но были предназначены, очевидно, лишь для частного использования в кругу родни. Господин дипломированный инженер Буркхард Параквин, проживающий в Виндорфе-на-Дунае, предоставил ее в наше распоряжение. Из этой пухлой рукописи здесь приводятся лишь двадцать страниц, которые описывают период с середины 1917 г. по начало 1919 г., то есть опять-таки в основном деятельность Параквина в Месопотамии и на Кавказе.

В 1920-х гг. Параквин не раз высказывался в прессе по вопросам германской политики на Ближнем Востоке в годы Первой мировой войны. Эти статьи теперь не так-то просто найти, тем не менее одна из них приведена в качестве приложения II, где содержится обзор германской и турецкой политики в регионе — обзор, выдержанный в очень критических тонах, в особенности в адрес Турции. Он был опубликован в двух частях в январе 1920 г. в «Берлинер Тагеблатт».

Приложение III, как и предшествующее, является перепечаткой, а именно — пространного доклада, который Параквин

закончил 26 сентября 1918 г. в Тифлисе и направил генералу Гансу фон Секту, тогда бывшему главой турецкого Генерального штаба в Константинополе. В нем в чрезвычайно критическом тоне он описал тяжелые последствия взятия Баку, за которые несла ответственность османская армия, публично осужденные им прямо в кругу турецких офицеров. После этого главнокомандующий османской группы армий освободил его от поста начальника своего штаба. Кипя от отвращения и негодования, Параквин покинул место событий и писал свой доклад под непосредственным впечатлением от недавно пережитого.

В приложении IV приведены два ранее не публиковавшихся доклада о событиях в Баку в сентябре — октябре 1918 г. Авторами обоих являются германские офицеры, ставшие свидетелями происходившего. Их отчета об увиденном запросил глава германской военной миссии на Кавказе генерал Фридрих барон Кресс фон Крессенштейн. Телеграфный отчет майора Майра еще дышит свежими впечатлениями от резни армян после взятия Баку; в то время как доклад подполковника барона фон дер Гольца, написанный четырьмя неделями позже, уже более сдержан и посвящен в основном его наблюдениям о межнациональной борьбе на Кавказе в целом. Кроме того, Гольцу было поручено составить картину экономической ситуации на нефтепромыслах. Оба отчета хорошо дополняют данные Параквина о событиях в Баку и положении города после его взятия турками.

Приложение V представляет собой еще один крупный источник, однако написан он не Параквином, а высокопоставленным германским офицером, который был отправлен германской Ставкой в Месопотамию несколько ранее него. Автором этого текста стал генерал Оскар Грессманн. Его «Воспоминания» объемом лишь примерно в одну десятую от мемуаров Параквина; однако они хорошо показывают деятельность германского военного уполномоченного в Багдаде, демонстрируя более широкий контекст германской активности в Месопотамии и Персии в годы Первой мировой войны. Его «Воспоминания» — что опять-таки можно установить лишь по оговоркам в тексте — также записаны в начале 1940-х гг., но не публиковались. Их машинописная копия сохранилась в отделе рукописей библиотеки Гёттингенского университета.

Главный источник, «Воспоминания» Параквина, и четыре приложения к нему предоставляют важные свидетельства германских усилий на отдаленном от главных театров военных действий в Европе второстепенном фронте. Они дают впечатляющую картину попыток германского руководства подготовить военный удар в сторону Индии, чтобы сковать там силы британцев, оттянув их с решающего Западного фронта.

Фрау Бригитте Параквин из Нюрнберга весьма любезно указала мне на то, что фамилия Paragin произносится ныне по немецкой норме, то есть «Параквин». Я благодарю ее и за другие консультации по истории ее семьи.

*Почетный профессор Майнцкого университета,
Винфрид Баумгарт*

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

«Воспоминания» Эрнста Параквина о самом ярком этапе его военной карьеры офицера германского Генерального штаба — на османской службе в Месопотамии в кампании 1917–1918 гг. и затем на Кавказе летом — осенью 1918 г. довольно сложно шли к читателю. Долгое время они были известны лишь по ссылкам в замечательной и до сих пор (спустя более полувека) востребованной работе Е. Ф. Лудшувейта¹. Ее автор умер почти одновременно с выходом в свет этой книги, поэтому добиться публикации ценного источника не смог или не успел. Зарубежные специалисты, рецензировавшие книгу после ее выхода в середине 1960-х гг., в том числе В. Баумгарт, ставший составителем долгожданного ее немецкого издания, отметили использование советским ученым неизданной работы германского генштабиста, но о месте нахождения ее терялись в догадках вплоть до недавнего времени.

С помощью коллеги И. И. Баринова, предоставившего в распоряжение участников данного проекта свои выдающиеся познания о корпусе немецкоязычных источников и литературы, доступном на территории РФ, мемуары Э. Параквина были обнаружены в 2020 г. в Отделе рукописей библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова. Руководство Отдела не только мгновенно разрешило ознакомиться с небольшим томиком в 230 страниц машинописи, но и сразу пошло навстречу высказанному желанию опубликовать данный источник, что еще раз обязывает поблагодарить за профессиональную помощь и готовность к сотрудничеству. Было очевидно, что рукопись заслуживает не только перевода, но и публикации ее оригинальной версии. На просьбу принять на себя подготовку немецкого издания

¹ *Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы первой мировой войны: военно-политический очерк. М., 1966.

охотно откликнулся почетный профессор Майнцкого университета В. Баумгарт,ждавший такой возможности спустя несколько десятилетий. Он сразу же предложил несколько ценнейших дополнений к основному источнику и помог установить контакты с семьей Параквин и в поиске сохранившейся биографической информации. Необходимую поддержку проекту предоставили руководство Института всеобщей истории РАН и Германский исторический институт в Москве, договорившись о включении данного издания в книжную серию издательства «Новое литературное обозрение».

Судьба рукописи по-прежнему вызывает ряд вопросов и заставляет высказать ряд предположений об обстоятельствах ее возникновения и долгого забвения. Судя по немногочисленным косвенным оговоркам в тексте и на основе не слишком подробных сведений о позднем этапе жизни бывшего офицера Генерального штаба, можно считать, что мемуары были написаны не ранее февраля-марта 1941 г. Едва ли они дописывались существенно позже нападения Германии и ее союзников на СССР, ведь события громадной кампании заставили бы автора сразу же внести некоторые дополнения в воспоминания о Востоке. С некоторой вероятностью можно полагать, что Параквин решил написать о пережитом на османской службе по просьбе сотрудников военного архива и в частности бывшего майора и ветерана восточных фронтов К. фон Мюльманна, который как раз в те годы (в 1940-м, а затем в 1942 г.) опубликовал две важнейшие и до сих пор ценные работы по истории союзнического взаимодействия и особенно германского вклада в противостоянии на Балканах, а также на турецких театрах военных действий¹. На томике воспоминаний стоят пометка «6-я османская армия» и номер, что показывает, что некогда эта рукопись была добавлена к коллекции материалов, вывезенных германскими офицерами при их непростой эвакуации из Османской империи, затянувшейся до середины 1919 г.

Качество и манера изложения не оставляют сомнений, что Параквин имел в виду публикацию текста, хотя откровенность

¹ *Mühlmann C.* Das deutsch-türkische Waffenbündnis im Weltkrieg. Leipzig, 1940; *Mühlmann C.* Oberste Heeresleitung und Balkan im Weltkrieg 1914/1918. B., 1942.

его вызвала бы немалые осложнения в условиях Третьего рейха, который, как известно, был заинтересован в сближении с Турцией. Чтобы заблокировать выход в свет данной книги, хватило бы факта участия ее автора в процессе над убийцей Талаата-паши С. Тейлирянном в 1921 г.¹ Однако явный дефицит германской литературы о любых фронтах Первой мировой войны, кроме Западного, особенно о кампании 1918 г., делал мемуары ценными настолько, что шансы на издание все же следовало считать ненулевыми, особенно в одной из выпускавшихся тогда Рейхс-, а затем Кригсархивом серий военно-исторических исследований по отдельным операциям Великой войны². По-видимому, в качестве одного из ценных личных свидетельств в корпусе материалов для новых исследований по истории Великой войны эта рукопись и оказалась в Потсдаме, где дожидалась публикации после окончания работы над последними томами главной работы Рейхсархива, подготовленными в 1944 г.

К концу Второй мировой войны военно-исторические исследования оказались почти парализованы, важнейшим вопросом стало сохранение огромной коллекции материалов и документов военных инстанций, однако эвакуацию их успели произвести лишь частично. Детали и масштабы операции по спасению до сих пор известны лишь фрагментарно³, однако нет сомнений, что подавляющее большинство фондов прусских и общегерманских военных архивов погибло при бомбардировке Потсдама 14 апреля 1945 г. Остатки материалов и коллекций были затем обнаружены войсками союзников, разделивших Германию на оккупационные

¹ Новейшая и первая масштабная биография великого визиря не на турецком языке показательна уже названием: *Kieser H.-L. Talât Pascha. Gründer der modernen Türkei und Architekt des Armeniengenozids. Eine politische Biografie.* Zürich, 2020.

² См. подр.: *Pöhlmann M. Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik. Der Erste Weltkrieg. Die amtliche deutsche Militärgeschichtsschreibung 1914–1956.* Paderborn, 2002.

³ См., напр.: *Löbel U. Neue Forschungsmöglichkeiten zur preussisch-deutschen Heeresgeschichte. Zur Rückgabe von Akten des Potsdamer Heeresarchivs durch die Sowjetunion // MGM. 1991. 51 (1). S. 141–149; Otto H. Der Bestand Kriegsgeschichtliche Forschungsanstalt des Heeres im Bundesarchiv, Militärisches Zwischenarchiv Potsdam // MGM. 1992. 51 (2). S. 429–441; Wegner B. Deutsche Aktenbestände im Moskauer Zentralen Staatsarchiv. Ein Erfahrungsbericht // VfZ. 1992. 40. Hf. 2. S. 311–319.*

зоны. Их сбор и комплектование соответствующих фондов продолжается до сих пор, что видно по массе материалов по истории различных аспектов Великой войны, из личных фондов в Военном архиве во Фрайбурге, до сих пор не введенных в оборот. Основная часть неуничтоженных бумаг бывшего Рейхсархива оказалась в советской зоне, где попытались организовать систематический сбор, а затем вывоз трофейных военно-исторических документов. Е. Ф. Лудшувейт был причастен к этой работе, ведь летом 1945 г. в окрестностях Берлина лично участвовал в установлении ценности собранных едва ли не на улицах бумаг. Возможно, именно тогда он обнаружил мемуары Параквина, добившись их отправки в Москву и передачи в библиотеку МГУ. Наверное, поэтому данный источник не был отправлен в архивы ГДР ни в 1950-х гг., ни в конце 1980-х гг., а следы его после работы Лудшувейта с этими мемуарами затерялись. Составленная выдающимся советским германистом профессором М. Н. Машкиным (1926–2014) справка о состоянии, особенностях оригинала и ценности мемуаров (не датирована) фиксировала базовые параметры 230-страничного переплетенного томика из машинописных страниц с минимальной правкой. Однако и эта экспертная оценка воспоминаний, к сожалению, не получила продолжения. Вполне возможно, в различных хранилищах на территории РФ ждут своего исследователя (и издателя) и другие материалы германских военных архивов. Предпринимаемые ныне усилия по поиску, систематизации и оцифровке сохранившихся в различных архивах и библиотеках России германских трофейных документов, особенно военно-исторического характера, несмотря на значительные успехи¹, далеки от завершения. Составители надеются, что данное издание позволит привлечь внимание профессионального сообщества к дальнейшим проектам по обнаружению долгое время считавшегося утраченным военно-исторического фонда, пережившего перипетии Второй мировой войны и десятилетия забвения.

Хотя воспоминания Э. Параквина весьма ценны сами по себе, составители сочли нужным отобрать для их издания ряд

¹ Результаты масштабного проекта публикуются на сайте: <http://tsamo.german-docsinrussia.org/ru/nodes/1-germanskie-dokumenty-pervoy-mirovoy-voyny-tsamo-fond-500-opis-12519>.

приложений. Три из них — фрагмент из двухтомной «Истории семьи Параквин», статья о политике Германии на Ближнем Востоке и доклад начальнику османского Генерального штаба и будущему основателю рейхсвера Г. фон Секту — того же авторства. Наряду с приложением № IV, воспоминаниями германского генерала О. Грессманна, также игравшего значительную роль в германо-османском военном сотрудничестве в Месопотамии, эти приложения, также фактически не введенные в научный оборот, позволяют составить более полную картину описываемых Параквином важнейших процессов на второстепенных театрах Великой войны. Разнообразие жанров приложений и различная дистанция, отделяющая их создание от описываемых событий, обеспечивают возможность проследить, какой далекий путь пришлось пройти от масштабных замыслов будущего рывка в Индию до осмысления полной практической невозможности воплотить самые многообещающие германские экспансионистские проекты. Написанные примерно одновременно с мемуарами Параквина мемуары германского военного уполномоченного в Багдаде О. Грессманна, также ранее не публиковавшиеся, а ныне хранящиеся в библиотеке рукописей Гёттингенского университета, убеждают в том, сколь объективен был в своих оценках османо-германского взаимодействия и непреодолимых трудностей 42-летний майор германского Генерального штаба, заплативший своей многообещающей карьерой за то, что категорически осудил увиденное им в сентябре 1918 г. в Баку.

В. С. Мирзеханов (ИВИ РАН), Л. В. Ланник (ИВИ РАН)

ВВЕДЕНИЕ

1. О биографии Эрнста Параквина

Эрнст Параквин¹ родился 2 марта 1876 г. в Сааргемюнде в Лотарингии. Его предки перебрались из Валлонии и в итоге осели в Баварии, где Эмиль Параквин сделал карьеру железнодорожного инженера, а затем был переведен в недавно приобретенную только что объединившейся Германской империей новую провинцию. Таким образом, Эрнст Параквин является представителем одного из немногих поколений, чье взросление было полностью связано со Вторым рейхом, а биография в известной степени определялась самим фактом произошедшего в 1870–1871 гг. становления новой мировой державы. Эмиль Параквин умер уже в 1882 г., так что его семья вынуждена была вернуться в Мюнхен, где Эрнст окончил полный курс гимназии и, как и многие его сверстники, избрал пользовавшуюся не только в Пруссии, но и в Баварии высочайшим престижем карьеру военного. В 1894 г. началась почти четвертьвековая служба Параквина в баварской армии, где он быстро получил офицерское звание и решительно принялся делать карьеру. Одним из немногих шансов ускорить очень непростое продвижение по службе стало участие в экспедиции по подавлению движения ихэтуаней в Китае. Отбор в контингент будущей морской пехоты был достаточно строгим, но Параквину

¹ Вполне возможно, что, хотя к настоящему моменту семья Параквин пользуется именно таким — буквальным — вариантом произношения этой французского происхождения фамилии, ранее, в том числе даже в начале XX в., сохранялась все же традиционная транскрипция — Паракен, чему достаточно аналогий среди многочисленных потомков гугенотских фамилий, выселившихся главным образом в Пруссию. И Е. Ф. Лудшувейт, и рецензировавший рукопись Н. М. Машкин однозначно отдавали предпочтение варианту «Паракен».

удалось его пройти. Боевой опыт позволил ему быстро получить место полкового адъютанта, а в 1907–1910 гг. пройти полный курс обучения в Военной академии в Мюнхене. Пользовавшаяся уникальной степенью самостоятельности в военных вопросах Бавария не обладала лишь одной армейской инстанцией, сопоставимой с тем, что находится в Берлине. Баварский Генеральный штаб не шел в сравнение с детищем Мольтке-старшего и Шлиффена — Большим Генеральным штабом. Именно туда командировались особенно перспективные баварские генштабисты, в том числе прикомандирован к нему в 1911–1913 гг. был и Э. Параквин. Непростая, но, безусловно, амбициозная карьера прерывалась лишь командировками на строевые должности. Именно на таком промежуточном этапе — командования ротой в 4-м баварском пехотном полку — и застала капитана Параквина Великая война.

Первые ее месяцы молодой генштабист провел в ожесточенных боях на Западном фронте в составе 33-й резервной дивизии. Она наступала от Меца на верденском направлении, неся тяжелые потери, но уже к середине сентября фронт стабилизировался. Огромная убыль кадровых офицеров и общий дефицит подготовленных генштабистов во все более разраставшейся армии быстро обеспечили Параквину перевод на более подходящую должность — одного из офицеров Генштаба — во вновь созданном штабе корпуса генерала графа Ф. Ботмера, который должен был помочь австро-венгерским войскам удержать фронт в Карпатах. Вскоре Параквин был произведен в майоры, а затем и получил тогда еще весьма престижный Железный крест 1-го класса. Успешная для Центральных держав кампания 1915 г. на Восточном фронте требовала наращивания военных усилий. Германским офицерам все чаще приходилось возглавлять смешанные соединения, что повышало требования к уровню генштабистов. Баварец Параквин стал 1-м офицером Генштаба в образованном из целого ряда австро-венгерских частей корпусе генерала от кавалерии Маршалла, действовавшем в Галиции. Не подозревая того, он уже вышел на высший этап своей карьеры. Дальнейшие его назначения — в баварские части вновь на Западном фронте, а потом на все более спокойные его участки — ни высоких наград,

ни новых званий не принесли. Он вновь оказался в Лотарингии, где фронт со времен его отъезда на Восток несколько не изменился.

Возможно, поэтому он с куда большей охотой, чем хотел признать в написанной истории семьи¹, последовал вызову в германскую Ставку в Кройцнахе в июле 1917 г., где получил возможность сдвинуть свою карьеру с мертвой точки. Свое пребывание и беседы в Верховном Главнокомандовании он описал, хотя, вероятно, очень о многих разговорах «на высшем уровне» предпочел умолчать. Через три недели его наконец-то вызвали по телеграфу, чтобы предоставить ответственный, сложный и пока совершенно не ясный для него пост: начальника штаба 6-й османской армии, действовавшей в Месопотамии. С самого начала никаких сомнений в возможности неудачи испытывать не приходилось: весной того же года эта армия потерпела тяжелое поражение и потеряла Багдад, что стало сильным ударом по авторитету на Востоке турецких войск, окрепшему после победы под Кут-эль-Амарой. Задача перед новым начальником штаба армии во главе с Халилом-пашой ставилась явно невыполнимая: отвоевать Багдад. Всю степень бесперспективности усилий на новом своем посту Параквин вынужден был познать только на непосредственном опыте, что потом и легло в основу соответствующей части его воспоминаний.

Он провел в северной Месопотамии более полугода, тщетно борясь с неотвратимой деградацией всей османской военной организации. За это время 6-я турецкая армия избежала действительно катастрофических поражений лишь потому, что британцы не придавали особого значения данному театру военных действий, да и общее положение Центральных держав на Кавказе и Среднем Востоке существенно улучшилось после развала русской армии. Быстрое наступление османских войск в Закавказье в марте — мае 1918 г. и вовсе открыло новые горизонты экспансии, что привело к обострению отношений между Германией и Портой, ведь младотурки вознамерились компенсировать любые потери в Палестине и Месопотамии за счет территорий бывшей Российской империи, пытаясь реализовать эфемерные

¹ См. приложение I, с. 162–169.

пантуранские проекты¹. Решение этой задачи было поручено новой группе армий «Восток», командующим которой стал Халил-паша, взявший с собой и Параквина, ведь тот, несмотря на все разногласия и неудачи, сумел завоевать доверие начальства не только в профессиональном, но и в личном отношении.

На новом посту Параквин столкнулся с едва ли менее, а во многом и более сложной задачей, хотя в военном отношении действия вверенных ему войск увенчались — после некоторых неудач — взятием Баку 14–15 сентября 1918 г. Эти бои стали последней победой Центральных держав над войсками Антанты во всей Великой войне, однако воспользоваться ее плодами было невозможно. В том числе потому, что и без того сложные отношения между германскими военными советниками и османским генералитетом обострились еще сильнее. Параквин уверял, что именно его усилия привели к тому, что Баку удалось взять вопреки вопиющей нерешительности и непрофессионализму турецкого командования. Тем более он был возмущен картинами разорения и мародерства во взятом городе, а также полным пренебрежением его протестами со стороны главного триумфатора — Нури-паши. Его начальник — Халил-паша — хотя и питал к Параквину дружеские чувства, довольно легко избавился от возмущенного подчиненного, поддавшись эйфории после последней османской победы в Великой войне. Германский майор вместе с несколькими коллегами уехал в Тифлис, где с июня 1918 г. действовала германская военная миссия генерала Ф. Кресса фон Крессенштейна², тщетно апеллируя в подробном отчете к Г. фон Секту, возглавлявшему с декабря 1917 г. османский Генеральный штаб³. Новое назначение, непременно вне рядов османской армии, где теперь для него любые посты были исключены, Параквин получить не успел. Ему сильно повезло в том,

¹ Они — по очевидным причинам — вызывали в Третьем рейхе пристальный интерес как раз в годы написания Параквином мемуаров, см.: *Jäschke G. Der Turanismus der Jungtürken. Zur osmanischen Außenpolitik im Weltkriege // Die Welt des Islams. 1941. Bd. 23. Hf. 1–2. S. 1–54.*

² *Astamadze G. Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus. Paderborn, 2022.*

³ См. подр.: *Rabenau F. v., Seeckt H. v. Aus seinem Leben (Bd. 2). Leipzig, 1940. S. 11–113.*

что он, везя с собой значительное количество документов командных инстанций, где прослужил более года, успел благополучно добраться до Германии еще до того, как революционный хаос охватил железные дороги всей Восточной и Центральной Европы. 9 ноября 1918 г. Параквин уже лично наблюдал главные события Ноябрьской революции в Берлине.

Не менее увлекательной могла быть и следующая стадия карьеры Параквина, ведь он — в отличие от подавляющего большинства своих коллег — был готов принять необратимые политические изменения и даже не побоялся заявить об этом, вступив в политические дебаты. Однако вопреки установлению республики и значительной трансформации прежних институтов власти и общества вооруженные силы сохранили в лучшем случае снисходительное отношение к новому государственному устройству¹. Разгром Советской Баварии и провал Капповского путча парировали, как тогда казалось, угрозы и справа, и слева. Офицерам-республиканцам, а тем более сторонникам социал-демократии в рейхсвере места быть не могло, невзирая ни на какие прежние связи и знакомства. Поэтому Э. Параквин после четверти века военной карьеры решил начать новый этап своей жизни, связав ее с переобучением в Мюнхенском университете (специальность — современные языки) и частными заработками. Его выступления в прессе, по-видимому, не принесли должного эффекта, так что следующие десятилетия он прожил вдалеке от исторических событий. Написание публикуемых здесь воспоминаний стало, вероятно, наиболее заметным вкладом в его наследие и достойным венцом былой карьеры офицера Генерального штаба.

Эрнст Параквин умер 23 сентября 1957 г. на 82-м году жизни. Он не был женат и не оставил потомства, что делает особую честь его семье, сохранившей память о своем незаурядном родственнике.

¹ Литература по данной теме громадна, достаточно указать лишь: *Guth E. Der Loyalitätskonflikt des deutschen Offizierkorps in der Revolution 1918–1920. Frankfurt/M., 1983; Keller P. «Die Wehrmacht der Deutschen Republik ist die Reichswehr». Die deutsche Armee 1918–1921. Paderborn, 2014.* В российской историографии см., напр.: *Ланник Л. В. Победоносные проигравшие. Германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016.*

2. ВОКРУГ ОТВОЕВАНИЯ БАГДАДА, 1917–1918

Османская империя в ходе Великой войны оказалась в самом тяжелом стратегическом положении из всех стран Четверного союза, воюя на многих фронтах (турецкие коллеги насчитывают до семи!) без минимально необходимой для этого инфраструктуры. Отдаленность полей сражений и невиданный размах военных усилий — до двух миллионов мобилизованных в османские армии — могли компенсировать очевидно непосильную задачу, однако лишь временно. Несмотря на героическую оборону Галлиполи и упорные попытки наступать или сорвать неуклонное наращивание вражеских армий, кольцо сжималось. После тяжелых неудач на Кавказском фронте в кампанию 1916 г. на следующий год пришел черед неизбежных поражений и на других театрах военных действий. Первой из знаковых катастроф стала утрата Багдада 11 марта 1917 г., с которой младотурки не желали смириться, хотя продолжала назревать и последовала в ноябре — декабре 1917 г. не менее существенная драма в Палестине, где британские войска вошли в Иерусалим.

Не только в Константинополе, но и в Берлине были крайне обеспокоены неудачами на Ближнем Востоке, а потому с лета 1917 г. масштабы германской военной помощи, подробно описываемые в том числе и Э. Параквином финансовые потоки, были значительно увеличены. Во главе новой группы армий «Йилдырым» был поставлен бывший глава германской Ставки, блестяще проявивший себя при разгроме Румынии осенью 1916 г. генерал Э. фон Фалькенгайн. С ним прибыл целый ряд германских генштабистов, значительно усилился германский Азиатский корпус, приступили к тяжелейшей работе по налаживанию снабжения. Быстро выяснилось, что успешно укреплять сразу два периферийных фронта невозможно, а концентрироваться лишь на одном из них означало рисковать крупными неудачами на другом. Общей бедой османских армий в Месопотамии и Палестине было неоконченное строительство важнейших магистралей, которые соединили бы Константинополь через Алеппо не только с Мосулом, но и с Газой. По иронии судьбы необходимые для этого туннели в Таврских горах были окончены именно тогда, когда османские армии постиг полный крах, в сентябре 1918 г.

По дороге в Мосул в конце августа — начале сентября 1917 г. Э. Параквин смог в полной мере оценить контраст между уровнем организации и снабжения армии, к которому он привык ранее, и тем, как приходилось обеспечивать потребность османского фронта в северной Месопотамии: гужевым транспортом и почти аварийными узкоколейками. Попытки массового применения автоколонн парировались полным бездорожьем и острым дефицитом топлива. Некоторым облегчением был речной транспорт, однако в этой сфере перемен не было со времен Ассирийского царства. Следствием этого была не только невозможность нарастить силы 6-й армии для желаемого контрнаступления, но даже сколько-нибудь удовлетворительно снабжать уже задействованных в Месопотамии солдат, хотя их численность постоянно снижалась и в итоге едва превышала дивизию штатного состава. Фантастическая коррупция и сложная для осознания европейцами этика ведения хозяйственных дел в этом регионе (что подтверждает и О. Грессманн) дополняли безотрадную картину. Смерть от голода османских солдат стала типичным явлением, так что ее официально признавали «героической гибелью за Отечество»¹.

Хватало и иных проблем, подрывавших боеспособность армии настолько, что от дальнейшего отступления ее удерживали только сравнительная пассивность британских войск и неблагоприятные погодные условия. Стратегическая важность северной Месопотамии для любых проектов экспансии на Среднем Востоке, с очередной попыткой вовлечь в антибританскую войну Персию и Афганистан, а то и поднять восстание против колониальных властей в Индии, была очевидна. Энтузиастов этих идей было вполне достаточно не только в военных, но и в дипломатических кругах². Однако столь же явной была неспособность к реализации действительно масштабных проектов, в том

¹ См. подр.: *Erickson E. J. Ordered to die: a history of the Ottoman Army in the First World War.* Westport; L., 2001; *Erickson E. J. Ottoman Army effectiveness in World War I: a comparative study.* N. Y.; L., 2007.

² Достаточно указать на членов экспедиции в Афганистан О. фон Нидермайера и В. фон Хентига. См. подр. о германских военно-агитационных усилиях: *Kreutzer M. S. Dschihad für den deutschen Kaiser. Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918).* Graz, 2012; *Krug S. Die «Nachrichtenstelle für den Orient» im Kontext globaler Verflechtungen (1914–1921).* Strukturen — Akteure — Diskurse. Bielefeld, 2020.

числе из-за особенностей османской военной элиты. Взаимодействие с младотурецким генералитетом вообще давалось германским специалистам не просто, и уже в феврале 1918 г. после явной неудачи всех начинаний покинул османскую службу Э. фон Фалькенгайн. Впредь ничего кроме обороны на Ближнем Востоке Центральные державы планировать не могли.

Пассивность британцев в Месопотамии сочеталась с постепенным наращиванием их сил в Палестине, так что в случае развала фронта на побережье Средиземного моря положение 6-й армии под Мосулом стало бы безнадежным. К весне 1918 г. она сократилась настолько, что боевого состава хватило бы в лучшем случае на одну полную дивизию. Все хуже обстояло дело с вооружением, и при любом напоре британцев османские войска отступали, ведь они были беззащитны даже перед символическими силами авиации или сколько-нибудь мобильных отрядов и кавалерии. Э. Параквин убедился в том, что максимумом возможного на его посту был бы выигрыш времени, никакие разъяснения начальству относительно катастрофы фронта результата не давали, в том числе потому, что помочь чем-либо Э. фон Фалькенгайн, Г. фон Сект были бессильны, ведь для этого пришлось бы исправить все то, с чем тщетно десятилетиями боролись прусские военные миссии в Порте со времен Г. фон Мольтке — старшего. К аналогичным выводам приходили и другие германские генштабисты, хотя это не мешало постоянным разногласиям и между ними, особенно с участием О. Лимана фон Сандерса. Отчаянное положение войск Центральных держав на фронтах в Азии парадоксальным образом сочеталось с упорным отказом принять невозможность изменить его к лучшему и к откровенному признанию лишь оборонительных перспектив.

3. Кампания 1918 г. на Кавказе и взятие Баку

Развал Кавказского фронта русской армии, быстрый вывод войск и вспышки Гражданской войны в российском Закавказье стали той внезапной переменой в обстановке, которая позволила Османской империи не просто выдержать еще одну кампанию, но вдруг ощутить себя победительницей и тут же приступить к утопическим проектам возвращения всех территорий на востоке,

утраченных за два столетия неудачных войн. Германская дипломатия и военные оказались не готовы к столь захватывающим перспективам, хотя возможность получения ценных ресурсов из Закавказья, в особенности нефти из Баку, была крайне увлекательной. К маю 1918 г. ситуация с османской экспансией на Кавказском фронте стала явно неуправляемой, и Германия вынуждена была принять экстренные меры для укрепления своих позиций в регионе, форсировав образование независимой Грузии, полностью нуждающейся в германской помощи. Однако миссия Ф. Кресса фон Крессенштейна в Тифлис прибыла лишь к концу июня, да и войск в ее распоряжении поначалу было слишком мало — чуть более двух батальонов. В это же время, к огромной тревоге различных кайзеровских инстанций, Порта заставила региональные государства-лимитрофы Российской империи подписать Батумские мирные договоры (4 июня) и стала стремительно оформлять собственную зону гегемонии между Черным и Каспийским морями¹. При этом младотурецкие лидеры уверяли недовольную германскую Ставку в том, что авантюрная экспансия на восток вызвана лишь стремлением обеспечить нужные позиции для будущего отвоевания Багдада, поэтому главной целью является не столько Баку, сколько Тебриз. С этим в германских штабах и ведомствах были готовы согласиться, ведь постепенное усиление британских войск (и остатков русской армии, поступивших на службу бывшим союзникам²) в Персии настораживало. Опасались и успешного наступления войск Бакинской коммуны, которая подчинялась большевистскому правительству в Москве и получала от него — в обмен на нефть — военную помощь. Категорическое непризнание большевиками всех закавказских правительств означало, что в случае победы войск из Баку (в основном из армянской части населения этого города) последует возобновление войны с Османской империей, а также попытки наступления на Тифлис.

После яростного конфликта между германской и османской Ставками в июне 1918 г., перешедшего в стадию личного

¹ Мирзеханов В. С., Ланник Л. В. Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2021. № 3 (65). С. 5–22.

² См. подр.: Безугольный А. Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия 1917–1919. М., 2011.

противостояния Э. Людендорфа и Энвера-паши, споры, казалось, были урегулированы. Неумные экспансионисты из османского генералитета были сняты с постов или дали гарантии полной координации дальнейших действий с германской миссией в Тифлисе. Обеспечивать ее должен был командующий новой группой армий Халил-паша, который для этого выехал на совещание на высшем уровне в Константинополь. С собой он взял и Э. Параквина, оставшегося его начальником штаба и после этого повышения. Германский майор Генштаба мог полагать, что сделал еще один заметный шаг по карьерной лестнице, отправившись с безнадежного во всех отношениях поста на обреченном фронте в сложную и очень перспективную миссию по установлению контроля Центральных держав над огромным регионом с пестрым населением и массой застарелых конфликтов. Параквину — при всей его лояльности к османским коллегам и лично к Халилу-паше — пришлось на личном опыте вникать во все более кровавые страницы истории Закавказья, о которых он до этого знал лишь понаслышке или не хотел верить. И все же даже после визита в Эривань и беседы с католикосом о катастрофическом положении беженцев-христиан баварский начальник штаба османской группы армий воздерживался от радикальных выводов, в первую очередь исполняя свой долг ради общих интересов Центральных держав.

О специфике позиции Параквина, его усилиях сохранить союзнические отношения с османским генералитетом, когда приходилось действовать на свой страх и риск, ведь указания опаздывали, можно говорить уверенно, если сравнить его отзывы с недавно опубликованными воспоминаниями и документами Ф. Кресса фон Крессенштейна, главы германской военной миссии в Тифлисе¹. Еще сильнее отличаются и сохранившиеся лишь частично документы Г. фон Секта, главы германской миссии в Баку Ф. фон дер Гольца² и ряд иных свидетельств, уцелевших в фондах Политического архива германского дипломатического ведомства

¹ Friedrich Freiherr von Kress, Bayerischer General und Orientkenner. Lebens-erinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / hrsg. von W. Baumgart unter Mitw. von G. Astamadze. Paderborn, 2020.

² Goltz F. v. d. Meine Entsendung nach Baku // Zwischen Kaukasus und Sinai. Jahrbuch des Bundes der Asienkämpfer. Bd. 3. Sangerhausen, 1923. S. 125–156.

(РА АА)¹ и пока не введенных в научный оборот. Имеющихся материалов² вполне достаточно, чтобы констатировать организационно-техническую недостаточность германских усилий в столь далеком регионе, отчаянные попытки разобраться в хитросплетении войны всех против всех в Закавказье, попытку добиться конкретных результатов побыстрее и крайне скромными силами.

Хотя в итоге германских генштабистов постигла неудача, на фоне объективной трудности и даже невыполнимости стоявших перед ними задач следует признать, что были достигнуты успехи, вероятно, максимальные из возможных. Офицерам приходилось все чаще заниматься политикой, экономикой, чуть ли не этнографией, но чисто военные задачи — от тактического до стратегического уровня — с них при этом никто не снимал. Прекрасно осознавали и нехватку времени: Центральные державы отчаянно нуждались в притоке сырья, топлива, возвращении военнопленных и новых союзников. Важно было всеми силами укреплять престиж в регионах распавшейся Российской империи, но не тратить силы, втягиваясь в сложные национальные и социальные конфликты. Всю сложность переплетавшихся процессов Параквин — как и его коллеги — мог лишь угадывать, ведь из-за трудностей со связью, в том числе из-за прямого османского саботажа, часто важнейшие известия или распоряжения от вышестоящих инстанций неделями шли в окрестности Баку через Константинополь, Севастополь и Тифлис. Поэтому в мемуарах германского генштабиста нет ни слова о подписанном в германской столице Добавочном договоре от 27 августа, который прямо затрагивал судьбы Закавказья и сопровождался секретной нотой о германо-большевистском взаимодействии, направленном не только против британцев, но и против экспансии младотурок³. Эти соглашения в итоге

¹ Большинство из них до сих пор не введено в научный оборот: РА АА. RZ 201/11056-11061.

² В том числе опубликованных В. Баумгартом в: *Baumgart W. Das «Kaspi-Unternehmen» — Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs?* 2 Tle // *JfGO*. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

³ См. подр.: *Ватлин А. Ю., Ланник Л. В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 2021. № 5. С. 208–230.

лишились актуальности благодаря подготовленной Параквином победе Исламской армии под Баку, ведь критический недостаток сведений из далекого региона испытывали и в Москве, и в Берлине.

Находившийся в эпицентре решения судьбы нефтепромыслов генштабист был плохо осведомлен — например, по сравнению с Ф. Крессом фон Крессенштейном — о том, что происходит в соседних странах и провинциях. Судя по мемуарам, он не представлял себе расстановку сил в Персии, Закаспийской области, Дагестане, а тем более на фронтах Гражданской войны в других регионах России. Лишь догадываться он мог и о той катастрофе, что назревала на других периферийных фронтах Великой войны, но вряд ли ожидал действительно драматического поражения на Западном фронте, хотя напряжение борьбы за каждый метр французской территории познал на личном опыте. Тем более события приняли неотвратимый характер, ведь почти одновременно совпали громкая отставка германских офицеров из османских штабов в Азербайджане, крах османских армий в Палестине и Месопотамии, а затем и прорыв Салоникского фронта, ставший началом конца Четверного союза. Катастрофу, надвигавшуюся на Центральную Европу и менявшую все представления о будущем, германский майор воспринимал с явным привкусом той трагедии, что уже довелось наблюдать на улицах Баку.

Несколько беллетристический слог Параквина и порой эмоциональные пассажи добавляют его воспоминаниям новые грани, выводя их за рамки сухой военной истории и присущего трудам Рейхсархива диапазона тем и стилей. Даже некоторое преувеличение им своей роли или заслуг выглядит вполне естественной чертой подобных произведений вообще, так что при всех оговорках насчет личной скромности или чужой неблагодарности данный текст делает современное представление о битве за Баку, да и о трагедии османского фронта в Месопотамии богаче на минимум еще одну грань в широком спектре оценок. При этом мемуарист совершенно не стремился к тону обвинительного памфлета или к бинарным оценкам, даже там, где двух мнений, казалось бы, и быть не может. Иллюстративная ценность воспоминаний Параквина совершенно не снимает задачи анализа болезненных событий в истории Закавказья,

однако способна прояснить многое в последовательности и фоне принятия решений и в психологической обстановке в высших османских штабах.

Опыт столкновения с куда более сложной действительностью, совершенно чуждой всему ранее привычному, навсегда изменил его. Это видно хотя бы потому, что сразу же после проигранной войны, когда шла отчаянная схватка за места в небольшом (400 тысяч, постепенно сократившиеся до 100 тысяч) временном рейхсвере, майор отправился изучать иностранные языки, повышать образовательный уровень, хотя на недостаток интеллектуального развития офицеры Генштаба и без того не жаловались. «Штатский», по-своему не менее интересный, особенно в рамках особого жанра постимперских биографий исследований, этап жизненного пути Параквина потребовал бы иного издания. Но здесь будет не лишним подчеркнуть, что те немногие сведения, что есть о судьбе отставного майора в 1919–1921 гг., показывают, сколь нестандартной личностью он был среди своих коллег, куда более предсказуемых — и по взглядам, и по манере восприятия и «переработки» поражения в Великой войне. Достаточно указать лишь на то, как именно Параквин описывал пережитые им месяцы Советской Баварии¹ и сделанные им выводы. В отобранном для публикации фрагменте «Истории семьи Параквин» нет доказательств искренности дальнейшей аполитичности отставного майора Генштаба. Однако оснований не верить в такое его заявление о своей военно-политической «абстиненции» по итогам трагедии Великой войны и революции в Германии у нас куда меньше, чем в отношении недавних коллег и сверстников Параквина, оставшихся в рейхсвере. Хотя аполитичность этих вооруженных сил «версальского образца» непрестанно подчеркивалась, его руководство совершенно иначе проявило себя в схватке за власть, погубившей Веймарскую республику. Отставным офицерам и генералам — как Э. Параквину, так и адресату его отчета о событиях в Баку Г. фон Секту — оставалось лишь бессильно за этим наблюдать.

В. С. Мирзеханов, Л. В. Ланник

¹ См. приложение I, с. 182–185.